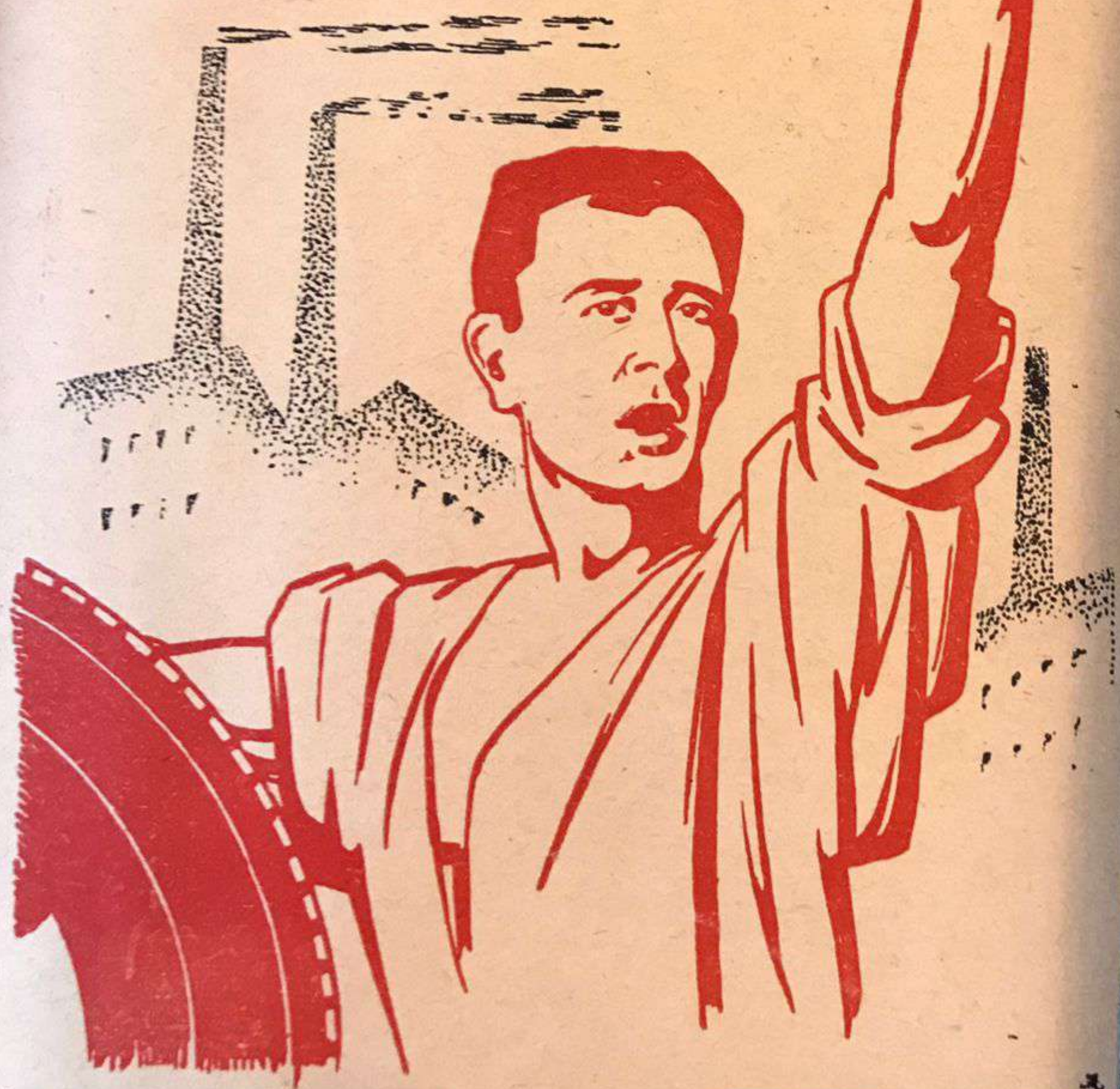

ДОРОГУ
РАБОЧЕМУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОЛЕТАРИЙ"

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие — Р. Пеллис	3
Оскар Амерингер — Из страны свободы	7
Иоганн Мост — Падение Коммуны	13
Джек Лондон — Что для меня означает жизнь	15
Роза Люксембург — В ночлежке	20
Берне — Буржуазный мир	27
Макс Нордау — Капиталистическое законодательство и мораль	28
Анатоль Франс — Общество будущего	31
Фердинанд Лассаль — Буржуазная пресса	36
Иоганн Мост — Зверь собственности	38
Камилл Лемонье — Молох	40
Роза Люксембург — Долг чести	46
Евгений Левине — Речь на Мюнхенском классовом суде	49
Уптон Синклер — Закон капитализма	57
Марсель Мартинэ — Ты идешь на бой	63
Процесс анархистов в Чикаго	67

В НОЧЛЕЖКЕ.

Праздничное настроение столицы было жестоко нарушено. Не успели богомольные души настроиться на святочный лад, как распространилась весть о том, что в городской ночлежке произошло массовое отравление. Пострадали старики и молодежь: приказчик Иосиф Гейе 21 года, рабочий Карл Мельхиор 47 лет, Люциан Щиптеровский 65 лет, — каждый день публиковались новые списки отравившихся бездомных. Смерть настигала их повсюду: в ночлежном доме, в тюрьме, в топке, или просто на улице, в каком-нибудь сарае. И прежде, чем новый год вступил в свои права под колокольный звон, полтора десятка бездомных металась в предсмертных муках, а семьдесят приказали долго жить.

Скромное здание на Фребелевской улице в течение нескольких дней стало центром всеобщего внимания. Что было причиной массового заболевания? Эпидемия или отравление тухлой пищей? Полицейские власти поспешили успокоить хорошее общество: это — не заразная болезнь, значит, нет никакой опасности для порядочных жителей, для людей из хорошего общества. Массовая смерть ограничилась обитателями ночлежки — теми людьми, которые отведали на Рождестве „очень дешевой“, вонючей копчущки, или выпили ядовитой сивухи. Но где эти люди достали вонючую рыбу? Купили ли они ее у бродячего торговца рыбой или подобрали ее в отбросах на рынке? Последнее предположение было отвергнуто по важной причине: отбросы на городском рынке не являются, как думают некоторые легкомысленные и несведущие в политической экономии люди, бесхозным добром, которое может присвоить себе первый попавшийся бездомный. Эти отбросы собираются и продаются крупным свиноголовцам. Их предварительно тщательно дезинфицируют и дают на корм свиньям.

Бдительные органы рыночной полиции заботятся о том, чтобы человеческий сброд незаконным путем не утащил у свиней их корм и не сожрал его до дезинфекции.

Бездомные поэтому ни в коем случае не могли подобрать свою рождественскую трапезу в отбросах рынка, как некоторый торговец рыбой" или лавочника, который продал бездомным ядовитую сивуху.

В продолжение всей своей жизни Иосиф Гейе, Карл Мельхиор, Люциан Щиптеровский не вызывали к себе столько внимания. А теперь — какая честь! Действительные и тайные медицинские советники собственноручно копошатся в их кишках. Содержимое их желудков, к которым весь мир был до сих пор так равнодушен, тщательно исследуется всей прессой. Десять человек — так сообщалось в газетах — заняты разведением чистых культур той бациллы, от которой умерли бездомные. Свет интересуется тем, где заболел каждый: в сарае ли, где его нашла мертвым полиция, или же в ночлежке, где он переночевал прошлую ночь. Люциан Щиптеровский стал важной персоной и он наверно растаял бы от тщеславия, если бы не лежал вонючим трупом на операционном столе.

Да, даже кайзер, который, слава богу, гарантирован от нужды, благодаря последней прибавке на дороговизну, которую он получил, как король прусский, осведомился о состоянии отравленных в городском ночлежном доме. Его царственная супруга с истинной женственностью выразила обербюргермейстеру Киршнеру свое сочувствие через камергера фон-Винтерфельда. Правда, обербюргермейстер Киршнер не съел ни кусочка копчушки, несмотря на дешевизну последней, и находится вместе со своей семьей в отличном здравии. К тому же он, насколько нам известно, не является ни родственником, ни свояком Иосифа Гейе и Люциана Щиптеровского. Но кому же в конце концов должен был камергер фон-Винтерфельд передать сочувствие императрицы? Отдельным частям трупа на столе анатомического театра не совсем удобно передавать привет ее величества. А „убитые горем природные“?... Кто их знает, кто найдет их в трущобах, приютах, в кварталах проституток или на фабриках и в шахтах? Обербюргермейстер Киршнер как бы от их имени принял выражения сочувствия императрицы, и это дало ему силы

с мужеством перенести горе Шиптеровских. В городской думе катастрофа в ночлежке была встречена с мужественным хладнокровием. Там исследовали, контролировали, проектировали, исписывали большие листы бумаги, но при всем этом не теряли головы и при предсмертных муках других оставались храбрыми и выдержанными, как античные герои пред лицом своей собственной смерти.

И все же это событие внесло резкий диссонанс в нашу общественную жизнь. Обычно наше общество имеет довольно добропорядочный вид, оно держится на честности, порядке и добрых нравах. Правда, есть недостатки и несовершенства в механизме и жизни государства. Но ведь и на солнце есть пятна. И разве вообще есть что-нибудь совершенное на земле? Даже рабочие, особенно те, которые поставлены в лучшие условия и организованы, охотно верят, что в конце концов существование и борьба пролетариата могут протекать в рамках приличия и благопристойности. Разве „обнищание“ не опровергнуто давным давно уже, как мрачная теория? Всякий знает, что есть ночлежные дома, что существуют нищие, проститутки, агенты охранки, преступники и „темные личности“. Но все это обычно воспринимается, как нечто далекое и чуждое, лежащее вне настоящего общества.

Между порядочными рабочими и этими отверженными стоит стена, и редко кто думает о нищете, что копошится в грязи там, за стеной. Внезапно получается, что в кругу благовоспитанных и предупредительных людей кто-нибудь случайно открывает среди изысканной обстановки следы отвратительного преступления, бесстыдного разврата. Внезапно, благодаря ужасному признаку нищеты, с нашего общества срывается маска. Его честность оказывается румянами проститутки. Внезапно становится ясным, что под внешним шумом и мишурой цивилизации зияет пропасть варварства и озверения. Открываются картины ада, где человеческие существа рыщут в помойках за отбросами, мечутся в предсмертной агонии и, издыхая, посылают свое зачумленное дыхание верхам.

А стена, отделяющая нас от этого мрачного царства теней, внезапно оказывается ничем иным, как картонной размалеванной кулисой.

Кто эти обитатели ночлежки, павшие жертвой копчушки или ядовитой сивухи? Приказчик, техник, строитель, токарь

по металлу, слесарь — рабочие, рабочие, исключительно рабочие. Кто те безыменные, которых полиция не могла опознать? Рабочие, исключительно рабочие или люди, еще вчера бывшие рабочими.

Ни один рабочий не застрахован от ночлежного дома, от ядовитой рыбы и сивухи. Сегодня он еще полон сил, честен, прилежен, но что с ним станет, если завтра его уволят за то, что он переступил фатальную границу сорокалетнего возраста, когда предприниматель объявляет его негодным? Что, если завтра с ним случится какое-нибудь несчастье, делающее его калекой и нищим?

Говорят, что в богадельню и в тюрьму попадают только слабые и худшие элементы: слабоумные старцы, юные преступники, ненормальные люди с пониженной вменяемостью. Предположим, что это так. Но слабые и скверные натуры из высших классов попадают не в приюты, а в санатории или на службу в колониях, где они дают волю своим инстинктам на неграх и негротянках. Превратившиеся в идиоток бывшие королевы и герцогини остаток своих дней проводят в замкнутых дворцах, окруженные роскошью и почтительными слугами...

Для старого сумасшедшего изверга, имеющего на своей совести тысячи человеческих жизней, отупевшего от убийств и половых излишеств — для султана Абдул-Гамида общество создало последнее убежище — пышную виллу с увеселительными садами, первоклассными поварами и гаремом цветущих девушек от 12 лет и выше. Для юного преступника Проспера Аренберга — тюрьму с шампанским, устрицами и веселым обществом. Для ненормальных князей — бережное отношение суда, супружеский уход и тихую утеху доброго, старого винного погреба. Для извращенной, невменяемой офицерской жены из Алленштейна, ставшей причиной убийства и самоубийства — удобное буржуазное существование, шелковые наряды и тайную симпатию общества.

А старые, слабые, невменяемые пролетарии издыхают, как собаки на улицах Константинополя, под заборами, в ночлежках и в канавах, где единственной пищей их является хвост гнилой рыбешки. Разделение на классы проходит резко и жестоко вплоть до безумия, до преступления, вплоть до смерти. Для имущей своры — заботливость и наслаждение жизнью, а для пролетарского Лазаря — скорпионы голода и ядовитая бактерия смерти в мусорной свалке.

На этом замыкается круг пролетарского существования в капиталистическом обществе. Пролетарий начинает, как дельный и честный рабочий, находясь с детских лет в тупике терпеливой ежедневной барщины на капитал. Миллионами скопляется в закромах капиталистов золотой урожай, через банки и биржи катится все увеличивающийся поток богатств в то время, как рабочие серой, молчаливой, незаметной массой изо дня в день покидают ворота фабрик и заводов такими же, какими они входят в них утром, нищими, вечными продавцами, несущими на рынок все, что у них есть — собственную шкуру. Время от времени несчастный случай, взрыв в шахте сметает десятки и сотни с лица земли. Краткая газетная заметка, общая цифра сообщает о несчастьи. Через несколько дней они забыты, их последний вздох заглушается пытением и стуком деловитого выжимания соков. Через несколько дней на их месте новые десятки и сотни под ярмом капитала.

Время от времени наступает кризис, наступают недели и месяцы безработицы, отчаянной борьбы с голодом. Снова и снова рабочему удается взобраться на какую-нибудь ступень капиталистической мельницы: он счастлив тем, что может опять напрячь мускулы и нервы для капитала.

Но постепенно силы сгорают. Более длительная безработица, несчастный случай, приближающаяся старость — нужно взяться за первое попавшееся занятие. Он выбывает из круга своей профессии и неудержимо катится вниз. Безработица становится все длительнее, занятие все менее постоянным. Вскоре все существование пролетария подчиняется случайности, несчастье преследует его, сильнее всего на нем отражается дороговизна. Наконец, вечно напряженная энергия в борьбе за кусок хлеба уступает — и он стоит перед дверью ночлежного дома или же, смотря по обстоятельствам, перед воротами тюрьмы.

Таким образом, тысячи пролетарских жизней ежегодно опускаются из нормальных классовых условий рабочего класса в пропасть обнищания. Они падают неслышно, как оседающая почва, на дно общества, как использованные ненужные элементы, из которых капитал не может больше выжать никаких соков, как человеческие отбросы, которые отметаются железной метлой: десница правосудия, холод и голод, работают здесь на перебой. И в конце концов буржуазное общество преподносит своим отверженным кубок с ядом.

„Публичное нищенство, — говорит Карл Маркс в „Капитале“, — образует инвалидный дом занятых рабочих и мертвый вес безработных. Возникновение общественных работ неразрывно связано с возникновением незанятого рабочего слоя, оба они одинаково необходимы, оба они являются жизненными условиями капиталистического производства и увеличения богатства.

Чем больше общественное богатство, эксплуатационный капитал, объем и энергия его роста, а следовательно, и абсолютная численность пролетариата и прибыльность его работы, тем больше слой безработных. Чем больше, однако, этот слой по сравнению с занятыми рабочими массами, тем больше масса нищих. *Это абсолютный общий закон капиталистического производства*“.

Люциан Щиптеровский, скончавшийся на улице, отравленный копчушкой, представляет собой такое же бытовое явление в жизни пролетариата, как и всякий квалифицированный хорошо оплачиваемый рабочий, который позволяет себе приобрести печатные новогодние открытки и позолоченную цепочку для часов. Ночлежный дом и полицейская охрана — такие же столпы современного общества, как дворец рейхсканцлера и Дейтше-Банк. Ядовитая рыба и сивуха в ночлежке являются невидимой подкладкой для икры и шампанского на столе миллионера. Пусть господа тайные медицинские советники долго отыскивают через микроскоп причину смерти в кишках отравленных и разводят „чистые культуры“: настоящая ядовитая бацилла, от которой умерли берлинские бездомные, это — капиталистический строй.

Ежедневно умирают отдельные бездомные, падают от голода и холода — никто не обращает на них внимания, кроме полицейского рапорта. Только массовость явления подняла на этот раз шум в Берлине. Только как масса, сконцентрировав свою нищету, пролетариат может привлечь на себя внимание общества. Последний бездомный, фигурируя в массе, хотя бы в виде кучи трупов, становится общественной величиной.

Обычно труп, это — немое невзрачное тело. Но есть трупы, которые говорят громче трубного гласа и светят ярче факелов.

После баррикадного боя 18 марта 1848 года берлинские рабочие подняли трупы павших, принесли их к королевскому замку и заставили деспотов обнажить головы перед жертвами.

Мы должны поднять на руки миллионов пролетариев трупы бездомных Берлина, плоть от нашей плоти и кровь от нашей крови, — и внести их в Новый год с призывом: „Долой подлый общественный строй, порождающий подобные ужасы!“